

Ева Маэлль Коридоры

THORACIC
SURGERY

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ева Маэлль

Коридоры

<https://litres.ru/74251559>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он- блестящий хирург. Его мир выстроен на точных диагнозах, профессиональном цинизме и одной тайне, которую он не обсуждает. До неё.

Она та, кто не должна была стать исключением, но чья страсть оказалась сильнее его логики, а нежность опаснее скальпеля.

Это не просто роман. Это эмоциональный шторм, где запреты трещат по швам, а истинное желание оказывается сильнее любых ярлыков.

Что случится, если врач, привыкший исцелять, сам окажется перед болезнью, от которой нет лекарства? И чем она заплатит за право стать его единственным диагнозом?

Это история о том, что страсть не спрашивает разрешения. О том, что запреты - только у нас в голове. И о том, что настоящее исцеление иногда приходит не через операционную, а через сердце, которое решилось быть собой.

Роман "Коридоры"- это голос, который нашел слова за тех, кто пока не решается произнести их вслух.

Содержание

Глава	4
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Коридоры

Глава

Милая, до того, как я проведу тебя по "Коридорам", выдержишь. Попроси свою умную колонку поставить песню, которая станет голосом нужного момента. Я буду возвращать тебя к этому жесту. В этом совместном дыхании- магия. Впусти музыку, которая зазвучит ровно тогда, когда придёт нужное время. Сейчас это фраза: "Поставь "Спички" Риты Дакоты с самого начала и остановись на одной минуте двадцати семи секундах"

А теперь мы идем. Вместе.

Ева Маэль

Выбор туфель всегда самый сложный. Руководить передовым медицинским госпиталем - тоже сложно. Руководить в неподходящих туфлях- полный крах. Ты образец силы, в твоём образе- жизнь и манифест о том, что власть в руках женщины- это совокупность дерзости, стойкости, ума, силы духа и , да, упоения той самой властью. Шпильки на красной подошве- это скреплённый печатью договор о том, что ты восхитительна во всем: от управления медперсоналом до совещаний с министром здравоохранения. Красивая, с тонкой талией и огромными шелковыми бедрами. Ростом ниже

среднего, но это твой козырь. Очевидно, это обращает на тебя внимание- маленькая женщина в большой игре.

Светлые вальжанные локоны, почти чёрные глаза. Ты разговариваешь с лёгкой, почти неуловимой хрипотцой, твой голос привык звучать на разных языках, иногда ты задерживаешься на гласных, будто проверяешь, правильно ли тебя поймут, в тебе есть странная музыкальность, которая появляется, когда ты злишься или просто устала, неожиданные паузы, удлинённые звуки- интонация человека, который умеет общаться с миром. Но в самом важном доверяет только одному - своему внутреннему голосу.

Как ты вообще попала в этот мир огромных мужчин- хирургов, кардиологов, реаниматологов? Всё потому, что ты хороша. Во всем, к чему прикасаешься. Эталонное образование, полная самоотдача, рвение, которому могли бы позавидовать сильные мира сего. То редкое сочетание ума и породы, которое открыло в тебе столько силы и таланта самоотверженно руководить, любить и помогать. И заставлять повисать в переговорочной комнате той самой тишине, в которой так осязаемо слышно : "Мия - ты рождена для побед. Но не в войнах, а в обстоятельствах, где тонкие шпильки и точеный ум - та самая отмычка от всех дверей. А в твоём случае - от дверей палат и отделений, где твои врачи каждый день творят магию и спасают человеческие тела и души".

Глава 1

Да, туфли. К белым брюкам-палаццо и синему шелку блузки, очевидно, шоколадные лакированные высотой двенадцать сантиметров и шоколадная Биркин.

Кофе за рулём, завтрак как и у всех сотрудников областного госпиталя Истхолл. Я ем на работе то же, что и вся команда: заботливо приготовленные Бенджи салаты и сэндвичи. Я вообще не привередлива в еде в последнее время. Госпиталь перешёл под моё руководство десять месяцев назад и между ритуалом приготовления себе завтрака и проверкой утренних отчётов после ночной смены врачей- я выбираю второе. Да, и Бенджи - он как папа для нас всех. Никто в больнице не знает столько личного и сокровенного, как он. После сложных операций, переговоров, бесконечной рутины и рабочего дня длинной в пятнадцать часов обычно не остается ни одного сотрудника, который бы не искал отеческих поддержки и даже одобрения от добряка-повара, отработавшего в госпитале уже тридцать четыре года. Вот и я тянусь за апельсином и рисовым пудингом, ловя на себе добрый взгляд серых глаз.

- Милая, ты устала.- Да-да, на "Ты". Ему можно. Ему и гинекологу Олли. Оливер старше Бенджи. Лечит самые сложные женские патологии, а на деле- души. Люблю их. Как отца и чудесного отчима, с которыми мама в свое время связала

свою жизнь, но как-то не получилось сложить из этих союзов счастливую женскую историю.

- Устала. Я плохо сплю.

- Энди, наш гений торакальной хирургии?

- Он, да. Я любила его. Или его драму. Или то, что он всегда был "почти"- "почти" мой, "почти" рядом, "почти" настоящий.

- Девочка, он прекрасный врач. Береги эту мысль, как часть своего профессионального счастья. Личное он тоже дал. Но ты ведь знала, что он никогда до конца не принадлежал тебе. Он был из тех, кто остается с самим собой, даже когда пытается быть чьим-то. Тем, кто ускользает. Но он великолепный врач. Гордость госпиталя.

- Да,- прерываю я. Не хочу больше. Не хочу и не могу больше думать об этом. В моем кабинете семь папок документов на подписание. Обнимаю, побежала.

Госпиталь Истхолл прекрасен. Оснащён всем передовым оборудованием, длинные галереи, переходы, коридоры- все из стекла, тёплого мрамора песочного оттенка, бежевого ясения и золотистого клёна. Получить одобрение на дополнительное финансирование реноваций было настоящей задачей со звёздочкой, но у меня получилось. Мы каждый день ведём борьбу за жизнь, но здесь нет гнетущего чувства проигрыша в этой схватке. Тёплые светильники на потолке, стойки ресепшена, шторы, занавешивающие окна палат- всё это про победу тела, духа и каждого из сотрудников. Мне

хорошо здесь. Я заслужила быть важной частью этого места.

Мой кабинет состоит из переговорочной и смежного с ней офиса. Стекло, дерево, кожа кресел и дивана. Панорамный вид на площадь у входа. Здесь пахнет мной. Женщиной-профессионалом. Той, что сделала себя сама. Той, что в туфлях на каблуках двенадцать сантиметров знает цену, которую платит за карьеру. И никогда бы не пожелала иной профессиональной судьбы.

Сплю действительно плохо. Причина, как и у многих женщин- любовь, которая закончилась. Именно не прошла, а закончилась. Он забрал больше, чем тот, кто колотит жену каждый вечер, но таких вечеров уже десятилетия, а каждое утро- чай и домашняя выпечка, потому что машет руками не от желания обидеть, а по глупости, потому что удары всегда мимо. Мимо тела. А главное- мимо души. Просто такая дурная любовь. А Энди не ударил- он забрал веру в счастье. Но, наверное, это и есть свобода: перестать ждать, что кто-то вернёт тебе эту веру. И начать строить её самой. Из тишины. Из пустоты. Из того, что осталось.

Когда-то он был близок к Кори - нашему реаниматологу и его давнишнему школьному приятелю. Их связывала дружба, которая пережила всё: разлуку, годы, разные города. Они были теми, кто знает друг друга наизусть. Когда Энди оступался, а я, прочитав рекомендательные письма, знаю, что это случалось часто, Кори был тем, кто молчал. Кто держал. Кто не задавал вопросов. Тёмная эмоциональность Энди не име-

ла имени, но он нёс в себе какую-то ввевшуюся в кожу тяжесть, которая просыпалась в самые неподходящие моменты- когда всё казалось спокойным. Она была похожа на комнату, в которой никогда не гаснет свет, но ты все равно не видишь стен. Кори совсем другой. И, видимо, этого оказалось достаточно, чтобы между ними навсегда осталась тишина, которую не нарушают.

После окончания поступили в разные университеты, какое-то время не общались, но Истхолл умеет выбирать и соединять нужных и правильных людей. Кори- прирождённый врач. Полная физическая и эмоциональная противоположность Энди. Тонкий, subtilный, с точеными скулами, которые хочется обвести пальцем. Никакой растительности на лице- только лёгкая тень, которая делает его ещё более зыбким, почти нереальным. Алые губы, брови- крылья чайки, глаза- синие озера. Я часто видела, как в них тонут пациентки и медсёстры. Как они задерживают дыхание, когда он проходит мимо. Они готовы отдаться ему здесь и сейчас, не чувствуя себя ни пошлыми, ни плохими. В этом есть что-то опасное, почти запретное, но чистое. Я думала об этом. Наверное, потому, что он не смотрит на них, как на объект, ни примеряет, не оценивает. Он смотрит на них так, как будто они уже были красивыми до него, до того, как поправили больничный халат или форму, до того, как решили ему улыбнуться. Он не берёт - он принимает. И в этом принятии нет ни капли снисхождения.

Я до сих пор удивляюсь этой его способности быть чистым в самом пошлом. Она не исчезает, когда он надевает белый халат. Она просто меняет форму. Потому что в реанимационном блоке, за стеклянными дверями, где пищат мониторы и пахнет стерильностью, он превращается в кого-то совсем другого. Там его взгляд не проникает под кожу, а видит сквозь неё. Там его руки не касаются, чтобы успокоить- они входят в тело, чтобы вытащить жизнь обратно. Это не магия. Это то, что нельзя объяснить, но можно почувствовать: он знает, где находится та самая грань между жизнью и смертью, и умеет задерживаться на ней ровно столько, сколько нужно. Он не просто лечит- он возвращает. Он знает будто бы всё о человеческом теле. Понимает каждую поломку. И когда в госпитале не остаётся тех, кто верит в успех сражения, он просто входит в палату, и победа случается сама собой.

Обожаю его. Опора, друг, искра, когда мой камин едва тлеет. Мы знаем друг друга почти пятнадцать лет, познакомились в университете на курсах управления персоналом медицинских учреждений. Сейчас мы работаем в одном коллективе. В госпитале об этом знают, но у нас получилось выстроить отношения без грязи и пошлости. Наверное, именно потому, что вся наша история никогда не была запретным плодом для чужих языков. Мы - Мия и Кори. Души, которые разглядели друг друга в суеде пролетающих будней и больше никогда не расстались.

Пудинг так и стоит на столе. Я сижу, внимательно вчитываясь в акты и отчёты, одна туфля снята и лежит на полу под столом, каблук второй упирается в ворс ковра под ногами. Я перебираю листы, ставлю подписи, исправляю то, с чем не согласна, вывожу знаки вопросов на полях, если что-то вызывает сомнения. Перфекционизм и самоотдача- два моих весла. Именно поэтому я здесь. И именно поэтому пудинг так и останется нетронутым.

Ева: "Ты знаешь, что делать. Попроси станцию включить Imael Angel "I'm moving to the sun"

Глава 2

Энди был моим миром. Правильнее даже так: "Когда в моем мире уже был мир, стабильность, признание, удовлетворение и, самое главное,- счастье от того, какой я являлась, тот самый мир перестал существовать в его привычном виде. Не рухнул. Просто планета изменила ось вращения. Навсегда. Хотя тогда мне хотелось именно этого бесконечного горизонта, где нет времени и любых иных систем измерений. Я ушла с головой на дно самой огромной бездны. Именно он стал тем, в ком я перестала искать себя. Я не заметила этого сразу, лишь когда оглянулась, поняла- вокруг уже не было ни его, ни меня. Только тишина. Только память о том, как я любила тот мир, в котором было все: запреты, каждый из которых мы нарушили, откровения, от которых сладко и дурно одновременно, секс и страсть, как в самых смелых фильмах, которые смотришь уже взрослым, но все равно краснеешь.

Был канун Рождества и ровно десять месяцев с момента вступления мною в должность главы совета директоров Федерального Госпиталя. Я не врач, но я идеальный управленец. Всё стало работать, как часы. Поток пациентов со всей страны удвоился, штат расширился, строительство новых операционных блоков и крыла для отдельных реабилитационных палат шло полным ходом. Да, это именно то, чем я хотела заниматься всегда. И мне льстил мой успех. По

случаю почти наступившего праздника Министерство сочло важным провести премию "Врач года" - "Оскар" в мире медицины. Не буду лукавить- я очень ждала этого дня. Я предполагала, кто из моих сотрудников точно удостоится "заветной статуэтки", а еще мне просто хотелось праздника. Я красива, я умею заходить в комнату так, что в воздухе повисает тишина, в которой слышно, как пергамент минутного молчания разрезают взгляды и мужчин, и женщин. А еще я настоящая. Живая. Неравнодушная. Такое стервозно-искреннее, зрело-детское обезоруживающее сочетание. За это меня любят. Любуются, уважают и ценят. За подлинность, самоотдачу, умение держать лицо, отдаваться на сто процентов.

В этот вечер на премии было столько людей, что красная ковровая дорожка могла бы обрести серьёзного конкурента по масштабу и царящему вокруг ажиотажу. Красивые женщины, мужчины, как с обложек. Клянусь, я всегда знала, что в медицине работают самые красивые люди, особенно мужчины. Вы вообще когда-то замечали, как выглядят хирурги, например? Смотришь и думаешь: "Ты моешь руки перед операцией, а минуту назад касался ими своего пресса на фотосессии для дома Диор?!" Вот и сегодня огромный зал со сценой, бельэтажем и выходом на террасу сверкают лоском, хрусталем, шампанским и бликами от украшений на шеях женщин. Это кайф. Премию, как и Рождество, ждали. Из неё не сделали конкурс, а превратили в праздник. Министр Д'Оре- очень мудрый и проницательный, он знал, что

нужно номинантам и гостям. Мне близко его отношение к делу, да и вообще- я часто контактирую с ним по рабочим вопросам. Хороший, надёжный, щедрый, когда речь идет о действительно важных вещах,- он организовал настоящий светский раут и по виду гостей- им точно нравится.

Я вижу Кори, самого настоящего, подлинного из всех известных мне людей. Он не умеет разговаривать без колкостей и издёвок, но в этом весь кайф. Интеллектуал-извращенец. Идеальный типаж идеального для меня друга. И даже тот факт, что восторгается он мною не как женщиной-объектом его мужского внимания, а как женщиной-вкусом и умом,- все это только укрепляет нашу особую братско-сестринскую химию. Ту, что не требует объяснений. Ему можно вваливаться в мой кабинет без стука, открывая дверь ногой, и, не скупясь в выражениях, рассказывать, как прошел день, как рыгал пациент из пятой палаты, скандалила эротоманка-невростеничка, навещающая какого-то юнца из семнадцатой.

- Она приходит, чтобы ему отсосать или реально принести апельсиновый фреш? Если первое- всегда пожалуйста. Разве хоть кому-то в жизни навредил хороший минет, если только не сердечнику после установки стента? Ему тоже можно, только дней через пять, чтоб снова не загремел в реанимацию. А вот сок нельзя: пацану наложили на желудок скобы, язва крованула так, что фонтан у нашего центрального входа- струйка мочи в сравнении. Вот ты, моя Ми, как счита-

ешь?

И на моменте, похожем на этот, я всегда ржу. Но с очень серьезным видом, от которого начинает ржать Кори. МОЙ друг- за тобой я и в огонь, и в воду. Твои худые плечи- мой самый надежный дружеский тыл. Ты умеешь любить, страдать и лечить с такой отдачей, что даже санитары на этаже смотрят на тебя, как на супергероя, боясь и уважая. Уважают за заслуги. Боятся за острый язык. Но тебе все можно- у тебя идеальная начальница. Та самая, которую ты видел слабой, беспомощной, с хлюпающим носом и потекшей тушью.

Сегодня Кори хорош. Идеальный лощёный тощий Бонд. Серебристый пиджак с лого на манжете, мир то должен знать, что доктор Уэйн богат и прекрасен одновременно, черные брюки, зауженные у щиколотки, лоферы, конечно, тоже с серебристой пряжкой-лого, и белая рубашка. Он выхолощен до блеска, одурманен результатом работы за прошлый год и просто чуть пьяненький- формат мероприятия этому, очевидно, благоволит. Он знает, что на него смотрят, даже не пытаюсь удержать на себе взгляды. И в этом его главная сила: быть настолько кричащим, что это перестает быть вызовом и становится просто фактом.

- Где Энди? Забыл надеть НАИбальнейшее платье? - Кори снова хохочет.

- НАИбальнейшее платье надела я, а где Доктор Шейн- я понятия не имею. Но сегодня он важная персона. Кори, мы

задали планку всему региону, лучше нас попросту нет. Люблю тебя сильно, а его- потому что люблю тебя, Гуччи-мэн.

- Ми, ну как можно влезть к костюм и туфли, так зазывно кричащие: "Я ваша фешн-дива-доктор"?- говорит тот, чей блеск пряжек отражает на стены холла солнечных зайчиков, меняя тему.

- Я уже пьян и как всегда прекрасен. Но если чье-то имя из любимых мною пиздюков объявят, клянусь подняться на сцену и дать речь, достойную четырнадцатиминутных оаций Чаплину. И я буду много говорить о тебе, моя Ми. Без тебя вообще ничего бы не было. Ты собрала хаос, загнала его под каблук, возвела в корень из ста и сотворила какой-то дичайший масштаб. Ты так любима теми, кто вокруг, сама видишь. А те, кто еще не в обмороке от этого чувства- просто в коме от зависти. Береги себя, таких говнюков много. Но у меня огромные серебристые пряжки на лоферах, отобьемся.

Вечер опьяняет. Серьезное торжество, но обстановка легкая, все продумано до мелочей, остается только красиво держать бокал, улыбаться или томно покуривать на залитой огнями ламп террасе. Может, в этом есть не только заслуга Министра Д'Оре, но и моя. Сотрудники получают удовольствие, шепот, смех, хлопки пробок и звон бокалов - идеальный канун Рождества идеально организованной церемонии.

Я отошла от Кори, обмолвилась парой фраз с женами коллег по совету директоров, проскользнула на пока ещё пустую

для такого насыщенного гостями вчера террасу и закурила тонкую сигарету, пахнущую ванилью. В мире, где сейчас играет оркестр, в зале, где перед самым важным событием в области медицины нет напряжения, а только приятное предвкушение, в мире, где каждый второй из присутствующих еще сегодня утром боролся и отвоёвывал чью-то жизнь, там, где сейчас стою я, в платье из тончайшего бежевого бархата, с ниспадающей линией рукавов и небрежными локонами, будто случайно выбившимися из пучка на затылке, сверкая дорожкой бриллиантов на шее, где в этом мире мое личное счастье? То, которое за пределами госпитальных холлов и конференцзалов. Да, я была влюблена, один раз очень сильно, но те отношения растворились в пелене времени и событий. Будто и не было их никогда. Никакой тяжести, просто какое-то эхо. Хотя было неподъёмно. А что сейчас? Я не одинока, но мне пусто до щемящего чувства в груди и звона в ушах. Тошно, муторно, страшно. Я только хороший руководитель? Аромат сладкого парфюма? Туфли на шпильках? Конечно, нет. Я потерялась, но обязательно найдусь. Или роль главы совета директоров определяет меня как женщину? Я будто и согласна, и нет. Мне хорошо и тесно одновременно.

Ева: "Ты знаешь, что делать. Попроси станцию включить Asammuell "Хорошая"

На огромный зал, где смешались блеск люстр, хрусталь бокалов и приглушенный гул голосов, обрушивается торжественная музыка- премия "Врач года" началась. Скрипка, громкоголосый рояль и бронзовые ноты саксофона приглашают присутствующих занять свои места. Все, словно по невидимому знаку, затихают, предвкушая главное событие вечера.

- Где этот сукин сын?- рычит Кори. Этот голос- как трещина на идеально натянутом полотне. Он не вписывается в эту торжественность, и это именно то, что мне сейчас нужно - Он номинирован, сто тысяч глаз ищут его, а он даже трубку не берет. Мия, какого черта?

- Он не может не прийти. Вероятно, ЧП в госпитале, без него не справляются.

- Он же не игнорит лично меня? - усмехается он, но в его голосе проскальзывает что-то, что он не показывает другим. Усталость? Или привычка ждать, когда снова кто-то не придет.

- А есть повод?

- Да.

- Кори! Самое время обсудить это сейчас? Мы сорок минут болтали от соках и минетах, а ты молчал. У тебя минута. Что случилось?

- В том и дело - ничего не случилось. Он просто есть, но его присутствие какое-то формальное. Я перестал понимать его так, раньше. Мы прекрасно работаем бок-о-бок, но я не

знаю...В общем, не знаю, что за херня. Друг, недруг, просто коллега. Я задолбался анализировать. Мы знаем друг с тех пор, как научились списывать тесты по химии. Это дружба, которая переросла в привычку и стала обязанностью? Ну какого хера не предупредить хоть кого-то, где тебя носит?!

Да. Это очень знакомо- когда ничего не случается, а внутри всё воет и стонет. Когда внешний мир продолжает свой ровный, безучастный бег, а внутри тебя всё трещит по швам. Ты улыбаешься, подписываешь бумаги, а под кожей бьется что-то, что не находит выхода. И ты не знаешь - это тоска, тревога или просто долгий вдох перед новым рывком. И вдруг - он.

Я не близка с Энди. До этого вечера уж точно не была таковой. Понятия не имею, почему он еще не здесь, что у него голове, а уж тем более в душе. Знаю одно- он идеальный шторм, в котором бушуют аристократическая хрупкость и дикая, неумело скрываемая им сила. Этот мужчина- воплощение готического романтизма, сошедшего с картин прославленных мастеров. Эхо под сводом потолка в гулком коридоре, по которому можно идти вечно, но так и не найти. Такие чувства не рисуют на полотнах. Энди слишком сложен для них. сложен для отношений, привязанности, любви...

- Сука! Я только что сама себе это сказала? Это шампанское, сигарета или просто волнение перед церемонией? - Но мои мысли уже далеко. И в том месте, где сейчас они сплетаются в ужасающее меня личное откровение, нет ничего из

того антуража, что царит сейчас в зале.

Энди Шейн. Торакальный хирург, главное оружие которого- волосы. Непослушная темная грива с коричневыми бликами, полыхающими медью на солнце. Он часто откидывает пряди со лба. Буднично...А я чувствую их шелковистую жёсткость.

- Мия, ты не понимаешь или понимаешь, какую важную, основополагающую деталь ты не разглядела за грудой документов и в потоке бесконечных телефонных звонков? - Слова чеканят ритм у меня в висках, но я в ужасе не позволяю мыслям вести меня дальше.

Глаза, как выдержанный коньяк, хотя нет,- темнее. И взгляд чугунно-тяжелый. Пациенты любят доктора Шейна, доверяют его рукам, его голосу, его тихой уверенности, не требующей объяснений, но одновременно боятся. Вероятно того, что он видит больше, чем говорит. Его глаза, как рентген: они проходят сквозь кожу. Он будто знает, что ты скрываешь. И эта его способность- не дар, а проклятие. Он видит страх за маской боли, слышит тишину там, где звучат жалобы. И это делает его одиноким и непреступным даже в переполненных палатах.

Он делает вид, что не замечает своей силы. Но я видела его после операций, как он снимает маску - и его лицо становится мягче. В такие минуты он- просто человек. И я это запомнила. Как давно, оказывается, я наблюдала за доктором

Шейном. За Энди.

Внешне он полная противоположность Кори. Волевая линия челюсти, сжимающая зубы от ярости. Или от страсти. Но мне странно об этом думать. Нос с легкой горбинкой, придающий профилю хищный, почти жестокий вид. Губы - полный контраст. Яркие, полные, чувственные до невозможности. "Губы- чувственные до невозможности..."

- Мия, ты не в себе! - Кричит мой внутренний голос.

Я едва могу разглядеть свое имя в первом ряду кресел. Мне дурно от нахлынувшего осознания, что внутри меня не испепеляющее одиночество, а побег от того, что так дерзко ворвалось в мое осознание минуты назад.

Голос низкий, бархатный, с хрипотцой, будто только что проснулся или сделал глоток виски с дымком. И сейчас этот голос звучит прямо в моих висках, окутывая, как плотный туман, заставляя кожу покрываться мурашками от одних только вибраций в воздухе.

- Извините! - Слышу со сцены тот самый голос. Работа, к счастью или сожалению, вынудила пропустить неофициальную часть премии. Но я здесь, и бесконечно горд быть частью команды Госпиталя Истхолл, работая под мудрыми чутким руководством Мии Блэйн.

- Явился, сукин сын. Гаденыш, ну какого лешего не при-

слать СМС, что на работе завал, но он уже в пути. Ми, малыш, ты меня слышишь? Твой торакальный хирург стал лучшим в стране! Вставай, идем на сцену обнимать и поздравлять.

Он высокий, под два метра, но сложен так обманчиво. Под пиджаком и холеной тканью рубашки угадываются узкая талия и широкие плечи. Но он не классический атлет. Скорее древнеримская скульптура, руки которой покрыты венами, переплетающимися, как реки на карте сокровищ. Кисти большие, с длинными тонкими пальцами музыканта - сильными, но невероятно нежными. Он держится на сцене с ленивой пружинистой грацией. Эта скрытая сила чувствуется в каждом движении: когда он наклоняет голову к микрофону, проводит ладонью по подбородку, обрамленному щетиной.

Руководящий состав госпиталя поднимается на сцену, зал рукоплещет овациями, мне передают наградную грамоту для вручения, но мои ноги не помнят, как поднимаются по ковру ступеней, я не слышу своей собственной речи. Я вообще есть сейчас на этой сцене? Или есть только его аура? Терпкий запах кожи, дерева, табака и металлический привкус опасности. И жадно хватаю ртом воздух.

Энди имеет привычку чуть наклоняться к собеседнику, тем самым вторгаясь в его личное пространство, но не нарушая границ полностью. Он заставляет чувствовать жар его тела, хотя внешне сдержан и холоден. Сейчас от него исхо-

дит энергия, от которой у меня немеют пальцы ног. Каждая клетка его тела на глазах у всех на виду кричит о запретном удовольствии, и я слышу этот крик кожей.

Ева: "Попроси станцию включить Даниэль Лавуа "Tu vais me détruire" [Тю ва мё детруир]"

Глава 3

Я стою на сцене, сжимая в руке заслуженную награду "Хирург года", и мир вокруг рассыпается в пыль. Потому что ты поднялась на сцену и стоишь рядом. Не вижу зал. Не слышу аплодисментов. Не чувствую веса награды в руке. Я чувствую тебя. И полностью отдаю себе в этом отчёт.

Ты невысокая, почти хрупкая на фоне моего роста, но в тебе столько плотной, живой силы, что воздух искрит. Тонкая, гибкая талия, которую я уже мысленно обхватываю ладонями, пальцы смыкаются, и я чувствую, как там бьется пульс. Меня охватывает ужас. Тот самый неподдельный живой страх, который обжигает каждую клетку тела.

Ниже - твои широкие бедра, которые двигаются под бежевым велюром так, что это не походка, а медленное цунами. Платье льнет к каждой выпуклости, переливаясь мягким светом, словно вторая кожа. Я больше НЕ ПРИНАДЛЕЖУ СЕБЕ. И это совершенно незнакомое мне чувство. Но как? Как родились эти мысли? Как на глазах у всех я только что обнажаю свое желание к той, кто абсолютно недоступна?

Ты носишь очки. Тонкая черная оправа, стёкла чуть бликуют, и за ними - глаза цвета утреннего кофе. Эти очки делают тебя то ли умной девочкой из библиотеки, то ли самой опасной женщиной, которую я встречал. И когда ты поправляешь дужку тонким пальцем, у меня дергается уголок рта.

Я хочу поцеловать тебя так, чтобы они запотели. Поцеловать ПРЯМО СЕЙЧАС. Я кричу об этом бесстыдно и пошло, в ошалевшем отчаянии и смятении. Что я сделал не так? Почему меня захлёстывает лавина, абсолютной пеленой отделяющая действительность от самых громких из когда-либо звучащих мыслей в моей голове?

Каблуки. Высокие, тонкие, как кинжалы. Ты стучишь ими по полу, и каждый удар отдается у меня в позвоночнике. Они делают тебя выше, но ты все равно достаешь мне до плеча, и этот контраст сводит с ума. Я наклоняю голову, чтобы видеть твое лицо, и мой взгляд скользит по твоей шее, по ключицам, которые сейчас чуть влажно поблескивают над вырезом.

И я снова забываю, где я. Забываю, что до этого был разговор с организатором премии, который кричал от негодования в трубку, когда сегодня я опаздывал; забываю, что вокруг люди, что я должен держать дистанцию. Вся моя прошлая жизнь, все эти лица, все эти ночи, все эти случайные прикосновения превращаются в белый шум. Я знал разное, я пробовал мир на вкус, но сейчас есть только ты. Твой запах - ваниль и что-то терпкое, как грейпфрут. Твой ритм, как ты чуть раскачиваешь бедрами в такт музыке, которой нет.

Я чувствую, как кровь густеет, как напрягаются мышцы под моей рубашкой. Сжимаю цветы и награду сильнее, чтобы не сделать шаг. Потому что если я его сделаю - не оста-

новлюсь. Я прижму тебя к стене, запутаюсь в твоих светлых волосах, которые пахнут солнцем, и проведу носом по твоей скуле, шепча то, что нельзя произносить вслух.

Ты поднимаешь на меня взгляд через эти чертовы очки, и я понимаю: я уже не принадлежу себе. Всё, что я строил, все мои правила, все маски - просто хрупкий лед под твоими каблуками. Ты смотришь на меня, и я таю. И мне плевать, что это неправильно. Что это запрещено.

Запретно - сейчас значит единственно возможное. Потому что, боже, как же я хочу развернуть тебя, прижать спиной к себе, чтобы чувствовать изгиб твоих бедер через этот велюр, и дышать в твой затылок, пока у тебя не подкосятся колени. В этом желании нет похоти. Я не хочу обладать тобой. Мне нужно, чтобы ты знала: я не хочу ничего брать. Твоё присутствие - не возбуждение, а тишина, в которой, наконец, можно выдохнуть. Я не хочу тебя. Я хочу быть с тобой. И это самая большая разница, которую я когда-либо осознавал.

Я ничего не говорю. Я просто смотрю. И ты знаешь. Ты все знаешь по тому, как побелели костяшки моих пальцев и по тому, как расширяются твои зрачки в обрамлении густых ресниц. По тому, как мой кадык дергается, когда я проглатываю сухость в горле и собираюсь завершить свою речь перед присутствующими на церемонии.

Я снова забываю, как жил до этого. И это самое страшное

и сладкое освобождение.

Ева: " Попроси станцию включить "До предела". Максим Фадеев и Валерия, перемотав на сорок шестую секунду, и оставаться до одной минуты семнадцати секунд".

Речь произнесена, наш друг, гений-матершинник, не скрывает своего восторга и гордости за меня. Он хорош во всем. Аплодирует громче всех. Кори всегда умеет быть опорой, даже когда сам не в порядке. Мне хочется кричать прямо со сцены: "Прости меня. Тогда, много лет назад, ты любил её - ту рыжеволосую из выпускного класса. Я даже не помню её имени...а для тебя это чувство было единственным солнцем. Ты любил её одну. Так сильно, что отпустил без осуждения, ссор и показной драмы. Кори, я не хотел её! Я взял то, что принадлежало тебе, и превратил всё в грязь. Позволил встать передо мной на колени и сделать это. Позволил ей заполнить её и мою пустоту. Почему ты медлил тогда? Почему не кричал ей о своем чувстве? Ты любил, но слишком тихо, осторожно. Ты, самый громкий врач Госпиталя, не дал ей того огня, который сейчас раздаешь каждому пациенту под маской добродетели. Или не маской...Ты лучший из тех, кого я знаю! Прости меня! Я сам признался тебе, что нарушил запрет. И больше не смог позволить себе ту близость, которая требует доверия. Сейчас ты аплодируешь громче всех. И я знаю, что ты счастлив и горд за меня".

Что же эта за ночь такая? Хотя, может, именно сегодня

всё встанет на свои места.

Сейчас Кори твой закадычный приятель, твоя отдушина, когда тебе тяжело или страшно. Моей маленькой девочке бывает страшно, я это знаю. И одиноко, я вижу это каждое утро в кафетерии на втором этаже госпиталя, когда наш добряк-повар заставляет тебя съесть что-то витаминное и питательное.

- Моей маленькой девочке, - я сказал это только что сам себе. - Еще один настигший меня молчаливый крик. Моей. Моей Ми. Как она может быть моей, если она совершенно свободна? Никаких уз, колец, взглядов, брошенных в сторону другого. Она принадлежит только себе, и это делает её ещё более запретной. Себе и работе. Своему одиночеству, хотя я до сих пор не пойму, почему и с чего взял, что Мия одинока. Вероятно, запрет не в кольце на пальце и не в обещании, данном кому-то. Запрет во мне.

Я только что понял это. Музыка ворвалась громом, гости смакуют дорогие вина и черную икру, с блаженством поглощают профитроли с крабом и трюфельным маслом. Я вернулся в реальность, раз снова стал замечать атмосферу праздника и всеобщего веселья. Помимо меня к награде представили Одди, нашего ветерана гинекологии, нескольких сотрудников неотложки и хирурга-травматолога Соломона-ходячего секс-символа всех эротических журналов. Он действительно высочайший профессионал. Молчалив,

сдержан, компетентен. Ми не держит в госпитале дураков и слабаков.

Ты общаешься с прессой, улыбаешься, не пьешь, но мо-
чишь края губ в вине. И я снова чувствую запрет. На свои
мысли, на тебя, на право желать женщину. Особенно такую,
как ты. Я только что понял это. Осознал, как удар под дых,
когда ты, стоя в толпе, поправила очки и улыбнулась ко-
му-то. В ту же секунду земля ушла из-под ног. Потому что
для тебя я полный запрет. Я знаю, что ты видишь во мне: ис-
кры опасности, шрам на душе, который я не прячу, и ту часть
меня, которую нельзя показать при свете дня. Ты чертовски
умная. Я боюсь, как пацан, что ты всё уже прочитала по мо-
ей коже, по тому, как я смотрю на тебя на секунду дольше,
чем надо, по тому, как моя рука иногда замирает в воздухе,
как бы собираясь обнять, но потом опускается, притворяясь,
что больше не хочет тех объятий. Я запутался. Потерялся. Я,
мать твою, так налажал. Я вообще не понимаю, как жил. Да
уж, вот это вечер кануна Рождества.

Я - та самая грань, за которую ты не переступишь. В мо-
их глазах я мрачный хаос, непредсказуемость, таящаяся за
«Доброе утро, Мия». И сейчас, глядя на водопад светлых во-
лос, руки, сжимающие бокал, каблуки, делающие тебя коро-
левой, я чувствую, как внутри меня рвутся все якоря. Я хочу
эту женщину. Я хочу тебя так, что мне кажется, я пьян и по-
хмелье никогда не отпустит. Хочу снять с тебя бежевый ве-

люр, не обращая внимание на твои сопротивления. И это не похоть. Это просветление, внезапно наступившая ясность. Абсолютная трезвость, с которой я не знаю, что делать.

Я хочу забыть, что вообще существую. Тут же мой мозг выстреливает: «Остановись. Она не твоя и никогда ею не будет. Ты для нее тень, врач, которому она доверяет, тот, кем она безмерно гордится. Тот, с кем можно выпить кофе, но не проснуться рядом. Тот, чье прошлое будет стоять между вами прозрачной стеной, но так ничего и не скажет».

Я выхожу покурить, следом идут Кори и Сол. Сжимаю переносицу, тру глаза. Голова идет кругом - то ли кровь, то ли сложная дневная операция, то ли паника. Ты в центре зала, по-прежнему общаешься с кем-то. Небрежно поправляешь тонкую лямку платья, и мои ладони немеют. Прикоснись ко мне, Ми. И я найду самое укромное место в этой празднующей толпе, где смогу дотронуться до тебя в ответ. И открыться. Я не одинок. Я влюблен. Не в того, кто рядом. В тебя. Давно. Но я прикован к перилам террасы, бокалу виски и сигарете собственным страхом.

Мечусь внутри себя, на мгновения понимаю, что выходом будет немедленно уйти. А, может, надо выйти из тени? Схватить тебя за руку, притянуть и целовать на глазах у всех, разрушив в одну секунду все запреты. Ты свободна, значит, я могу тебя выбрать. А ты - такого, как я.

Я выдыхаю терпкий дым и делаю глоток ледяного виски. В голове снова слышен звук голосов.

- Ты где, блять, был, Энди? Я извелся, Мия отбивалась от расспросов министра и прессы. Почему не попросил любого из ассистентов хотя бы написать, что приедешь, но с опозданием?

- Кори, я устал. Приходил в себя в душе, знал, что успею. Хватит. Ты не мой отец.

Кори - очень проницательный, ему не нужно повторять дважды. Я вижу по его глазам, что он понимает обреченность ситуации, но отказывается верить. Он хочет задать много вопросов, но не может сформулировать ни один. Но в этом нет моей вины. Я застрял и запутался. Я сам причина и следствие, моя тень, моя вторая сторона, сейчас полностью выпущены на волю. И я растерян не меньше него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.